

ВЗГЛЯД

НЕЗАВИСИМАЯ ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА № 54 11 октября 1991 г.

**Сегодня
в
номере**

- Комментарий текущих событий в куплетах Аркадия Вrabия. «Не возьму в руки «Взгляд». (Стр. 2)
- Михаил Александрович признается в любви к СССР. (Стр. 3)
- Алла Иошпе и Стахан Рахимов: «Мы молились Богу с разноречивыми и разноязычными людьми. Бог помогает нам». (Стр. 4)
- На исторической родине старая еврейка лишена права быть похоронена на еврейском кладбище. (Стр. 5)
- Израиль поможет врачам Грузии и Узбекистана освоить современные методы предотвращения бесплодия. (Стр. 6)

МИРАЖ ИЗ ГОБЕЛЕНА

На улицах мальчишки продавали «Биробиджанер штерн», а в «литературной гостиной» редакции в стенах, обтянутых гобеленом, в креслах под «аля-уют» каждый день встречали гостей и поднимали бокалы «За расцвет еврейской культуры» и, конечно же, за саму газету, как за «оазис» этой «культуры» на территории нашей необъятной родины.

Цветы газете «Биробиджанер штерн»! — крикнул один из ведущих III фестиваля еврейской музыки и песни. Очаровательные девушки внесли в зал цветы, а все те же мальчишки отретированно прокричали: «Читайте фестивальный номер!». И я попробовал читать газету. Две полосы (одна на русском, другая на еврейском языках) были ничем иным, как программой фестиваля, исполненной без особой фантазии. Здесь были также перечислены помимо спонсоров фестиваля. Одну страницу сотрудники «Штерна» без лишней скромности посвятили собственной рекламе, где опровергали

народную мудрость: «Дорого — мило, дешево — гнило», и еще одна страница была отведена под соло самого редактора Владимира Белинкера, где он интервьюировал председателя горисполкома Виктора Волотнова...

И стало мне непонятно, что же конкретно празднует «Биробиджанер штерн»? Если день редакции, так еще не время, если эпоху собственного расцвета, так, судя по газете, тоже пока не наступила.

Цветы, бесплатное шампанское для тех, кто придет на праздник в парк, десятки тысяч рублей, истраченных на постановку шоу и создание интерьера «литературной гостиной», шестьсот тысяч дотаций в год с барского плеча областной администрации. За что? Только за то, что еврейская; только за то, что несколько изрядно уставших ветеранов изо дня в день трудятся над переводом материалов ТАСС и ИАН, или, может, за то, что в отдельных номерах ни одной собственной информации ни на русском, ни на

еврейском языках, или за то, быть может, что под видом удобства для читателей в одном номере огромные материалы идут на русском и идиш одновременно, и непонятно, чем в это время заняты остальные сотрудники «Штерна»?

Владимир Белинкер без усталости повторяет, что газета становится на ноги, ее начинает любить читатель. Господи! Ведь это даже не мираж, который приходит к человеку в пустыне на исходе сил. Это даже не самообман голого короля... Это не смешно, в конце концов. Какая еще газета с тиражом в тысячу экземпляров, стоимостью в пять копеек, бесформенная, напичканная сборной солянкой, может позволить себе роскошь каждому десятому подписчику давать выигрыш в сто рублей?..

Я представляю, с каким негодованием прочтут эти строчки в «Биробиджанер штерн», и заранее прошу прощения у коллектива за резкость. Быть может, все не так уж и плохо в газете, как мне иногда кажется. Но,

коллеги дорогие мои, все, что вы делаете, и все, к чему стремитесь, требует не пышных шоу, а работы над материалами и проблемами, которые вы в них, кстати, редко поднимаете; работы над оформлением газетной полосы, работы над публицистикой и литературой, но не над оформлением литературной гостиной, в которой и без гобелена могло быть вполне уютно.

И вовсе я не против того, чтобы газете давали дотацию для улучшения материальной базы, повышения зарплаты сотрудников. Но тратить эти деньги на бессмысленный блеск я бы не стал на вашем месте. Ибо не этим газета завоевывает читателя. Даже если в нынешнем году найдутся еще охотники выписать на год дешево программу телевидения (а если повезет, то получить выигрыш), то год грядущий может стать последним годом. Я искренне желаю, чтобы этого не произошло.

С уважением к работникам «Биробиджанер штерн»

А. ДРАБКИН.

СТОП-ВЗГЛЯД

Первое желание — отвернуться и уйти, закрыть глаза и не увидеть. А он есть, живет среди нас. Хороший, плохой, но человек. Быть может, у него болит что-то...

В ПОСЛЕДНЮЮ

МИНУТУ

ПРЕСТУПНЫЙ МИР РАЗОЧАРОВЫВАЕТ...

Нет, здесь явно чего то недодумали, решив часть площадей книжного магазина отвести коммерческой торговле. Именно в этом месте романтика преступного мира все больше разочаровывает своим примитивизмом.

Очередное проникновение в магазин «Люкс» показало, что воры не интересуются даже детективами, которых в книжном немало.

Приехав на место происшествия, сотрудники вневедомственной охраны обнаружили, что преступники приготовили к выносу кроссовки, штаны, юбки... Банально.

...И МЕЛЬЧАЕТ. КАК ВСЕ ВОКРУГ

Малолетние злоумышленники и, нынешней ночью проникшие в магазин «Стимул», попались на крючках и лесках. Эти дефицитные товары сотрудники милиции обнаружили у них при задержании на... хлебозаводе, куда, как известно, тоже не ходят за красной икрой. Мельчает преступный мир...

СВОБОДНЫЙ МИКРОФОН

«ШТЕРН» БЫЛ ОБМАНУТ «САМИЗДАТОМ»

Я бы хотел дополнить сказанное редактором Школьников в его недавней публикации по поводу материала газеты «Биробиджанер штерн» «Разговор с матерью», который, как предполагается, был написан Маргаритой Алигер. Совершенно очевидно, что «Штерн» был обманут теми же самыми мистификаторами, которые долгие годы проникали через круги «самиздата» как в Советском Союзе, так и за границей.

Ссылки на поэмы Алигер и Эренбурга давным-давно появлялись также и в довольно авторитетных английских изданиях советской поэзии. Я совсем недавно говорил в «Штерне» об этом. Это было сразу же после того, как появилась эта публикация в номере от 17 сентября. Я знал об этом точно, так как в своей докторской диссертации я лично переводил довольно большую часть из поэмы «Твоя победа», оригинал которой был опубликован в довольно известном московском журнале в 1948 году. Но с тех самых пор я никогда не имел возможности увидеть версию ответа Эренбурга, и я бы очень был признателен информации по этому поводу.

С уважением Бернад ЧОСИД.

ПРОЙДЕТ ВРЕМЯ ГОРБАЧЕВА, И ВАМ СТАНЕТ СТЫДНО

После вашей публикации «портрета» В. И. Ленина больше я вашу газету в руки не возьму. Вместо того чтобы дать оценку сегодняшнему положению дел, вы сваливаете вину на того, кого уже давно нет в живых. Пройдет время Горбачева, и потом вам самим станет стыдно за свои поступки. У вас не осталось ничего святого.

МИХАИЛОВ,
рабочий.

БЛОКАДА ДЕТСКОГО САДА

Дети — наши цветы! Дети — наше будущее! Все лучшее — детям!

Об этом мы очень много говорили и в застойные времена, и сейчас, в период пышно расцветающей демократии и свободы. Каждый из нас вдохнул полной грудью воздух свободы. Настолько полно, что даже забыли, что кому-то все же принадлежит власть и существуют какие-то законы, ограничивающие нашу свободу. О чем это я? Да о том, что не чувствуется в городе никакой власти. Ведь мы сейчас очень свободные люди. Захотели — оставили зону отдыха стадиона п/о «Дальсельмаш» гаражами, захотели — взяли блокадным окружением гаражами детский садик № 16, устроили мойку автотранспорта в речушке Безымянна рядом с детским садиком, где все лето купается наше будущее (единственное место, где отдыхают мамы с малолетними детьми в этом районе). А у городских властей никак не найдется средств очистить и облагородить бедную Безымянку.

«А что вы мне, дорогой депутат, делаете замечание, что вы мне твердите об экологии? Вы бы лучше позаботились об очистных сооружениях п/о «Дальсельмаш». Я своим автомобилем не приношу столько вреда, сколько приносит предприятия нашего города, сбрасывая свои отходы в окружающую среду. Попробуйте накажите меня. Сначала наведите порядок на предприятиях. Соорудите в городе место для мойки автомашин, для постройки гаражей, оборудуйте стоянки, ну а потом предъявляйте свои претензии». Ну что тут скажешь? Так, или приблизительно так, происходят у меня разговоры с владельцами автотранспорта, с которыми часто беседую, а порой и воюю в одиночку для детей, за кусочек земли и воды, где не так давно, в застойные времена, был чистый воздух и дети не вдыхали пары бензина и отработанного газа. Ведь детский садик расположен в очень удачном месте. Почему в одиночку? Потому что никому до этого нет дела. Ведь горсовет и горисполком, обладающие властью, никаких мер к подобным явлениям не принимают. В городе нет ни муниципальной, ни санитарной милиции. Жалкие будки ЖКО от имени гориспол-

кома с предупреждением о том, чтобы убрали гаражи, никакого воздействия не имеют. Ибо тут же рядом, как грибы, выстраиваются новые гаражи, уничтожаются посадки рошчи, деревьев. Так вот и 8-го сентября еще один гараж с мотоциклом «Урал» 02-28 ХГП, уничтожив весной посаженные деревья и воннами Советской Армии деревца, преспокойно устроился у ворот детского сада № 16. Кстати, на глазах у живущих в доме напротив председателей профкома п/о «Дальсельмаш» тов. Крученецкого Р. Ш., профсоюзного лидера области тов. Шермана Я. В., заместителя председателя горисполкома, т. Лямина В. М. и автора этих строк. Обрастает территория зоны отдыха стадиона п/о «Дальсельмаш» гаражами разных калибров, и все окружающие водоемы превращаются в мойки автотранспорта. На все это беспомощно смотрят не только жители нашего микрорайона, но и власть имущие. Ну, а дети? Дети наши обречены на выживание. Вот и складывается впечатление, что у местной власти нет никакой власти. Либо она ею не хочет поль-

Дорогой тов. Дымент, я понимаю, что в своей статье «Что имеем не храним», опубликованной в «Биробиджанской звезде» 7-го сентября, вы больше обращались к благоразумию жителей города, да в вопросах экологии. Я вас целиком поддерживаю. Я тоже через газету хочу обратиться к жителям родного города: не рубите деревца, не рубите, не губите своих собственных детей. Место, где отдыхают наши дети, где они занимаются спортом, где они купаются и загорают, должны быть святыми, насколько можно чистыми. Немедленно и неотложно освободите детей от железного бункера с отравляющими газами, дайте возможность детям резвиться по чистому полю, а не по крышам гаражей, дышать чистым воздухом и плохаться в относительно пока еще чистой воде окружающих водоемов. Не ждите, когда у власти имущих появится возможность использовать свою власть.

Ну, а дети-то наши — они должны быть здоровыми.

С. ТЕРЕЩЕНКО,
контролер ОТК п/о «Дальсельмаш».

ОДНА ЧЕЛОВЕЧЬЯ СИЛА...

Вам, пожалуй, еще не приходилось читать вот такие краткие сообщения в периодической печати: «В продовольственных магазинах города Б. недавно появились красочно оформленные витрины со снимками животноводческих ферм, зерновых токов и других производственных объектов сельскохозяйственного назначения. Работники прилавка довольны: теперь покупатели перестали предъявлять к ним необоснованные претензии по поводу скудного ассортимента в магазинах. Горожане убеждены, что называется, собственными глазами, что материальная база деревни пока просто не в состоянии обеспечить нам продуктового изобилия. Сейчас в Б-ской области рассматривается вопрос о распространении опыта работников торговли в сфере наглядной агитации. Уже до конца текущего года в красных уголках большинства совхозов будут оформлены витрины с фотоснимками пустых прилавков и длинных очередей в специализированных магазинах «Молоко», «Мясо», «Овощи» и т. п.»

А что? В самом начале перестройки, возможно, и стоило бы пойти на такое освежение привычной для нас «наглядной агитации». Но нынче агитация уже ничего не спасет и никому не поможет. И пока сторонники перестройки за одним столом с ее противниками галдят, с чего ей начинать, ситуация в экономике попросту успела выйти из-под контроля. И не только выйти, но и довольно далеко уйти.

Ну а пока кто-то там мечтает пути и методы перехода к рынку, рынок не ждет. И обстановка в аграрном секторе экономики сейчас выглядит приблизительно так же, как городской базар в воскресный день: в городе — пустота в государственных магазинах и непродолжительная толпа на рыночном асфальте. В деревне — хехватка кадров в совхозе, но зато двух-трехкратное увеличение скупа в личных подсобных хозяйствах. С одной стороны, оно и неплохо, только вот у одного человека все еще одна человеческая сила: чем больше он тратит энергии в собственном хлеву или на огороде, тем меньше ее остается для родного колхоза или совхоза, где работник, если и хозяин, то хозяин только собственной заработной платы. А в экономике дважды два непременно только четыре, а не столько, сколько захочет вышестоящий начальник. Кстати говоря, это железное правило четко проиллюстрировал «дальнейший восток» заработной платы, пенсий и пособий: например,

4.50 суточных, полученных на командировку, превратившись аж в 20, ничуть не улучшив покупательской способности владельца командировочного предписания.

Что касается активизации селянина на собственном подворье, то радовались мы этому совсем напрасно: заимев у себя пару лишних чушек и дополнительную телушку, иная хозяйка тут же снизила свою бытовую трудовую активность в совхозной бригаде, где на ее попечении 30—40 коров. Но свои, как водится, дорожке. Действительно, если за литр молока, надоенного на ферме, доржка получает пятак или чуть больше, то тот же литр от своей буренки даст ей сразу в 10—15 раз больше. Где и как хранится совхозный фураж, сельскому старожилу тоже объяснить не надо. Сено в совхозах, жалуются их директора, исчезает бесследно десятками и сотнями тонн.

Не пытайтесь особенно почувствовать «бедному крестьянину». Он может вашего сочувствия просто не оценить. «Э, милый! — сказал мне «как-то один из сельчан. — Это вам, городским, про свою жизнь думать надо. А уж мы-то тут возле земляки как-нибудь прокодимся. У нас все свое пока, не с базара...»

В особенно сложном положении оказались сегодня убежденные сторонники колхоза-совхоза: цены на машины, оборудование и стройматериалы взлетели на небывалую высоту, а общественное хозяйство свое молоко-мясо вынуждено определять по цене, которую не может. Здесь даже поправки на инфляцию не представляются. Предлагают, что этак через два-три года совхоз или колхоз просто погибнет. Если, конечно, все оставить так, как оно есть сегодня... (Ну, а кто же откажется рубить сук, на котором сидит?)

Я не думаю, что руководители наших агропромышленных контор не хотят улучшения или усиления. Хотят, конечно. Но не могут. Помните, они так любили прежде к слову «застой» прибавлять определение «так называемый». И им ничего, понятно, не осталось, как организовать на селе такую же, то есть «так называемую» перестройку. И вот ее — налицо. Дважды два всегда только четыре. А кто это себе еще не выяснил, то пусть сегодня «даст команду» отменить в наших магазинах продовольственный дефицит.

В. ФОМЕНКО,
комментатор областного радио.

ХЕХЦИРСКИЕ ЧАСТУШКИ

На Хехцире мы живем,
Воз с горюшки видно:
Илетали крайком;
Илетат Цой — обидно...

Едоставь благ и средств
нахапав,
Брось честь
в канализацию.

Все хабаровские «папы»
Подались в ассоциацию.
Чем элита знаменита?
Тем, что ест и пьет
досыта.

В белых ручках
«Мерседес»

И билет КПСС.
По совету Пяночета
Захватила хунта власть.
Но успела хунта эта
Лишь в штаны свои
нагнать.

Двое суток «воевали»
Депутаты с пунктами,
А на сессии сказали,
Что сражались с хунтой.
Русь у теликов смеялась:
Петросян — что бестия...
Но смешнее оказалась
Краевая сессия.

Данилок подал
в отставку —
Взвляли консерваторы,
Но потом внесли
«поправку»:

— Колю —
в губернаторы!..
Получив в Москве задачу
И бутылку коньяка,
Пригласил друзей на дачу
Пить за хунту и ЦК.
Записал
Аркадий ВРАВИН,
г. Хабаровск. 1991 г.

ИЗРАИЛЬСКОЕ КИНО В МОСКВЕ

Жизнь, как она есть, — так говорят о фильмах Амоса Гитая, израильского кинорежиссера, ретроспектива фильмов которого впервые проходит во Всесоюзном киноцентре в Москве. Амос Гитай, как гражданин Израиля, считает, что имеет право быть критичным и честным по отношению к своей культуре и своей стране. «В XX веке необходимо любить свою культуру и ни в коем случае не быть шовинистом, — сказал он на открытии ретроспективы. — В наше время необходимо изобогать приверженности узким доктринам, но при этом иметь свое мнение».

Амос Гитай привез в Москву и документальные фильмы, среди них есть работы, знакомые зрителям многих стран, и такие, которые в Израиле показать не удалось. Это фильмы «Дом» и «Вади», раскрывающие тему взаимоотношений израильтян и палестинцев, взаимоотношений, которые художник выводит на уровень сознания человеческой судьбы в мире. Отсняты они в 1989 году, воистину о жизни, как она есть. У зрителя создается впечатление, что режиссеру нужно было лишь найти то место, где скрещиваются судьбы людей, и... включить камеру.

Наша страна уже, похоже, прошла период игнорирования Израиля, и, как говорит Амос, «израильское кино в Москве — это маленькая победа, но и это путь к взаимопониманию».

О. ТАРЫНИНА.

«ВЗГЛЯД» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

УЧАСТНИКОВ III ФЕСТИВАЛЯ ЕВРЕЙСКОЙ МУЗЫКИ И ПЕСНИ АЛЛУ ИОШПЕ И СТАХАНА РАХИМОВА

НАШИ ПЕСНИ НУЖНЫ

В 1977 году в тайге под Ангарском, в военнотрудовом отряде, шел концерт Аллы Иошпе и Стахана Рахимова. Было 18 часов 15 минут, это время развода сугубо личного, и мы так и не сумели досмотреть выступление певцов. Расстроились мы страшно, особенно Серик.

— Кому нужен этот штаб, — сокрушался он, — кому нужен этот развод, они поют, как будто жизнь поет, как будто я дома с мамой и сестрами.

— Не бери в голову, — отвечал я, — развод кончится, сможемся — досмотрим...

Ничего у нас тогда не вышло, мы не досмотрели концерт, и я снова увидел этих замечательных певцов только через четырнадцать лет на III Биробиджанском фестивале еврейской музыки и песни.

Алла Иошпе: Четыре раза мы подавали документы вывезти нас из Советского Союза в другие страны. Это было вызвано сугубо личными и совсем не политическими мотивами, а было связано с моим здоровьем, с положением моей семьи, желанием воссоединиться. Но нам было отказано, и в течение шести лет четыре раза нам выносили этот жестокий приговор — отказ. Для певцов это был смертный приговор, потому что нам не давали работать. Долгое время мы работали без рекламы, без афиш, и очень многие считают, что мы уехали... Так что наша судьба актерская очень не простая, но сейчас мы счастливы. Сейчас мы чувствуем себя впервые дома, хотя мой родной и любимый город — Москва. Но сейчас мы дома, потому что здесь нас как-то удивительно окружили теплом, вниманием, искренним пожеланием добра и счастья. А мы ответили своими песнями. Мы пишем сами, поем песни других авторов и счастливы, что здесь нас так тепло приняли. Теперь мы будем вашими частыми гостями. Приглашайте нас, будем приезжать.

Стахан Рахимов: В Биробиджане мы уже не в первый раз. Но первое наше выступление здесь было очень давно. Но то что мы приехали сейчас сюда, для

нас более приятно, нежели те давние гастроли. В данной ситуации примечательно, что мы приехали на фестиваль — фестиваль еврейской музыки и песни.

Алла Иошпе: Каждому интеллигентному человеку, каждому доброму человеку понятно, что фестиваль нашего народа, он важен сейчас для народа любой национальности нашей страны. Потому что национальный вопрос никогда так остро не стоял, как сейчас. И это происходит в отношении многих национальностей, а в отношении к еврейской национальности — в особенности. Ведь никогда же нам не разрешали раньше даже песни еврейские петь. Был

закрыт еврейский театр. Мы все это прекрасно знали, только делали вид, что никто ничего не понимает. Мы, кстати, были детьми и действительно мало что понимали, но все и тогда чувствовали, что, когда притесняют одну нацию, не за горами и притеснение всех остальных народов. Поэтому то, что сейчас происходит здесь, в Биробиджане, говорит о свежем воздухе, который проник сюда.

Корр.: Как давно вы поете еврейские песни?

Алла Иошпе: Совсем недавно. Совсем недавно мы поняли, что эти песни нужны, и стали работать над ними, и я очень благодарна Стахану, которого я очень уважаю как певца, что он отдает всю душу и весь свой талант изучению и исполнению еврейской песни.

Стахан Рахимов: Я должен сказать, что мы участвовали во многих фестивалях. Раньше вообще такая традиция была (к сожалению, забытая всеми): проходили декады искусства какой-либо республики, и все это было здорово, способствовало тому, что как-то пропагандировалось национальное искусство. Думаю, что нынешний еврейский фестиваль может подтолкнуть к тому, что будут еще и другие фестивали, других народов. То есть люди возвратятся к тому, что ими забыто, ведь говорят: «Хорошо то, что забыто...».

Биробиджан нас принял так тепло, что, думаю, мы еще не раз приедем сюда в будущем, и не только на фестиваль.

Корр.: Пройдя через множество мытарств в Советском Союзе и снова встав на ноги, расстались ли вы с мыслью об отъезде или она по-прежнему не покидает вас?

Алла Иошпе: В последнее время мы об этом почти не думаем и уже становились счастливыми в той

мере, в которой могли бы быть счастливы. Но нас привели в шок и ужас дни августовских событий. Мы были непосредственно в самой гуще этих событий, и все не потому, что мы такие смелые, а потому, что наш дом на улице Качалова, в самом центре Москвы. Помню, как я выскочила на улицу, потому что было страшно после всего, что услышала по радио. Как мы теперь будем жить? И первое, что я увидела, выйдя из наших ворот, — это был танк. Я уже поняла, что нам здесь не жить. Первая мысль, которая пришла в голову — побыстрее схватить своих детей, свою маму и скорее уехать куда глаза глядят. Но потом я увидела, что это невозможно, потому что все люди, у которых остался кусочек души, полны желания отстоять то, что с таким большим трудом каждый из нас завоевал. Поэтому мы с большой радостью и счастьем пели на концерте в Белого дома, молились Богу вместе со всеми равноверующими, равноязычными людьми. И мне кажется, Бог все же нам помогает. Аминь!

А. ГОРЯЧЕВ.

Галина ГИДИНА

РУФЬ

«...да будет тебе полная награда от Господа, Б-га Израилева, к которому ты пришла...»

Книга Руфь, Глава II, ст. 12.

Отречься от отца, от матери уйти и душу посвятить изгнаннику-народу...

И нет с тех пор конца пустынному пути, и передышки нет извечному исходу.

Ты не сочтешь потерю, ты станешь сиротой, покорней тростника, невзрачней повилики.

Тебе велят теперь жить только за чертой, указанной перстом чванливого владыки.

Куда ты, Руфь, куда?.. Как по лицу хлыстом, по сердцу полоснет зловещее название: «погром»! Пройдет орда, чтоб разорить твой дом и маленькую дочь забрать на поруганье.

Куда ты, Руфь, куда?.. Там горе впереди: кругом знаят рвы, горят Треблинки печи, лоскутная звезда желтеет на груди —

жестокую судьбу взвалила ты на плечи. Твой путь — не крестный путь, он горше во сто крат. Уже родной очаг скрывается из виду, не поздно повернуть! Ступай скорей назад!..

...Но кто ударит жизнь наследнику Давиду?..

Как тот сверчок, не знающий шестка,

я своего угла не заимела. Над головою небо цвета мела, и жизнь моя шершава

и жестка, как жесток тот засиженный шесток,

что сдали нам за трешку на ночевку. Здесь хочется намыливать бечевку,

а не смотреть с надеждой на Восток. Измученный волчонок — боже мой! — у ног моих скулит

и просит ласки. Но пьеса уже требует развязки: ему пора в леса, а мне домой.

Вина ль беса, прихоть ли Творца — мы встретились под знаком гексаграммы, соорудив комедию из драмы, в которой нет начала

и конца. И в белом небе синяя звезда, взошедшая над нами раньше срока,

надежней предсказания пророка укажет нам дорогу в никуда. Я не умру. Я снова запою о том, чего со мною

не бывало. Но только ветер, волчий подпевала, услышит эту исповедь мою.

Всевышний, упаси меня

от искуса: до пропасти осталось четверть шага. Пусть холод взгляда, брошенного искоса, остудит безнадежную отвагу.

Ты, сердце мое, бейся чуть помедленней — до слабости осталось четверть силы, — казнила бы себя я

до последних дней, когда б тебя на волю отпустила.

Желанный мой, давай побудем строгими. До пламени осталось четверть жизни.

Нам дальше ехать разными дорогами, и наш прощальный шир подобен тризне.

Стена моя стоит, неколебимая. Осталось четверть часа до рассвета.

На собственное право своей рукой накладываю вето.

Творец! Освободи меня от робости! До гибели осталась четверть муки.

Я все равно иду навстречу пропасти и к пламени протягиваю руки.

Всякая всячина

«СЛУХИ О НАШЕЙ СМЕРТИ НЕСКОЛЬКО ПРЕУВЕЛИЧЕНЫ», —

говорит главный бухгалтер областного отделения ДОСААФ Н. А. Маламут.

Как выяснилось, ДОСААФ никто и не думал распускать. Просто 27 сентября на проходящей в городе Пензе российской конференции этого общества было решено реорганизоваться в ОСТО (оборонно-спортивную техническую организацию).

Цели, задачи, кадры, помещение, имущество у новообразованной организации те же, что и у ее предшественницы.

«ЛАЙФ ИЗ ЛАЙФ»

Атасной тусовкой завершился фестиваль еврейской песни и музыки. На «задворках» фестиваля (в последний его вечер) у входа в филармонию клево расположились фанги, манги и другие крутые и некрутые мены, чтобы вместе с бравыми диск-жокерами понафайфовать под отечественную и зарубежную попсу. Пиллы весьма однозначно восприняли бесплатный способ для кайфа: «Тусовка асик!».

А. МИГУНОВ.

Ида НУДЕЛЬ:

«НЕЗАЧЕМ СОЗДАВАТЬ ЕВРЕЙСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СССР»

На сессию попечительского совета Сохнута в Иерусалиме приехали два сопредседателя так называемого «Ваада» — объединения еврейских организаций в Советском Союзе — Михаил Членов и Иосиф Зисельс. Членов заявил, что не следует принимать решения о советских евреях без участия самих евреев СССР. Советское еврейство, по его словам, больше не является разрозненной группой, нуждающейся в руководстве извне.

Как сообщает корреспондент газеты «Джерузалем пост», бывшая узница Сиона Ида Нудель критически отозвалась о позиции, занятой Членовым и Зисельсом. По ее мнению, тенденции к развитию организованной «еврейской жизни» в Советском Союзе лишь заводят в тупик, и это напрасная трата времени и денег.

«Нет смысла, — сказала она, — создавать в Советском Союзе еврейские организации для того, чтобы попытаться внедрить сионизм. Я согласна с Жаботинским в том, что для еврея лучшее воспитание — это когда его бьют по голове. У евреев Америки имеется все: раввины, книги, еврейская гордость. Но американские евреи не едут в Израиль. Зачем создавать такую же ситуацию в Советском Союзе?»

Лидеры «Ваада», считает Ида Нудель, не собираются репатрицироваться в Израиль, они хотят лишь создать еще одну еврейскую бюрократию. Еврейскому народу, по ее словам, это не нужно, и соответствующие денежные средства можно было бы с большей пользой израсходовать в Израиле.

Похоронен в Биробиджане

(Окончание.
Начало в № 53).

Начальник управления, полковник МВД, с которым я тоже встретилась, заявил мне, что Муля — преступник-рецидивист, бежавший из заключения, и так далее. Я упрямилась его как могла, пока он не пообещал мне, что все-таки представит дело Мули в суд. В ближайшие дни суд должен был отправиться в поездку по лагерям, чтобы разобрать дела некоторых заключенных, две недели я провела в Чите в бесконечной беготне, пытаюсь обеспечить согласие всех тех лиц, от которых зависело, чтобы Мулино дело было представлено на рассмотрение суда в лагере Балей. Кажется, все было улажено.

Когда я вернулась из Читы в Балей, меня ожидал страшный удар: Мулю переводят в Нерчинск. Опять начала я умолять, чтобы его оставили в Балее на несколько дней, пока не придет суд. Но все было напрасно. Намерения начальства были ясны: помешать рассмотрению дела в суде. И так. Мулю отправляли на открытом грузовике в Нерчинск, за 100 км, при 40-градусном морозе.

После долгих стараний я получила разрешение еще на одно свидание перед отправкой его в Нерчинск. В сибирскую пургу я отправилась пешком в лагерь. Пять часов блуждала без дороги, думала уже, что погибну в этой снежной пустыне. Когда я уже совсем была на грани изнеможения, мне встретился на мое счастье человек, который привел меня в лагерь. Свидание с Мулей мне дали в рамках общего свидания других заключенных с родственниками. Заключенные тесно стояли все вместе напротив родственников. Все громко гово-

рили, перебивая голоса соседей. Муля выглядел страшно. Очевидно, его физическое состояние тяжело отразилось и на душевном состоянии. Сколько я умоляла его, чтобы он прекратил морить себя голодом! Он стал кричать на меня: «Это единственный способ! Я себя знаю, я сильный, я выдержу!» и не хотел меня слушать.

Затем я поспешила в Нерчинск, чтобы выяснить, что там можно сделать для него. Там я встретилась с женщиной-врачом, которая лечила Мулю и знала его состояние. Она сказала мне откровенно: шансов на активировку немного, но шансов на то, что он выживет, — еще меньше... Но я не переставая, металась по разным инстанциям в Чите, Балее, Нерчинске. В конце концов мне опять пообещали, что Мулино дело будет представлено в суд на рассмотрение. Но это был лишь жестокий обман.

Прошло уже 40 дней с тех пор, как я оставила своих детей в Риге. Отпуск у меня был всего на 2 недели. Я боялась, что потеряю работу. Приходилось возвращаться. Я пошла еще на одно свидание с Мулей, боясь, что это будет наша последняя встреча. Так и случилось.

Опять стоял передо мной скелет человека, слабый и отчаявшийся. Опять угрожала я его прекратить гололовку. «Сейчас многие освобождаются. Есть шанс, что и тебя скоро освободят», — повторяла я ему. На этот раз он согласился со мной и обещал прекратить голодание. Я опять отправилась в Читу, чтобы попасть на прием к большому начальнику, ответственному за лагерь Читинской области. Я пожаловалась ему, что меня уже несколько раз обманывали, обещая рассмотреть в суде хоть немного выздороветь. О

дело об активировке брата. Этот офицер ответил мне с грубой жесткостью: «Все это сделано с моего ведома. Мы знаем, что ваш брат намеренно морит себя голодом. Он большой преступник. Я не хочу, чтобы его освободили из лагеря. Мы отправим его в больницу в Хабаровск, и там его вылечат. Потом опять будем его воспитывать».

На обратном пути я задержалась в Москве. Там я опять стала бегать по разным учреждениям, чтобы пожаловаться на самоуправство местной администрации в Чите, Балее и Нерчинске. Это было последнее, что я могла сделать».

Через некоторое время Мульку перевели в Хабаровск. Оттуда пришло от него еще несколько писем. 4 месяца пробыл он в хабаровской больнице и опять был взят на этап. Перед выездом, в четверг 28 сентября 1955 года, Мулька отправил свое последнее письмо.

«От всего сердца благодарю тебя за деньги, которые ты мне прислала, но боюсь, что ты отрываешь последние копейки от себя и от детей. Кроме того, ты опять откладываешь свое лечение, а оно тебе необходимо. Об этом уже надо тебе напоминать. Поэтому хотя деньги мне очень помогут, каждый литр молока, который я за них покупаю, застревает у меня в горле.

Это мое письмо — то самое, которое я обещал тебе в моей второй телеграмме. В ней я сообщал тебе, что в ближайшие дни мой адрес изменится, но до сих пор еще не знаю как. Может, в конце письма смогу что-нибудь сообщить... Все мои мысли и усилия направлены сейчас на то, чтобы окрепнуть. Я изо всех сил стараюсь

полном выздоровлении говорить не приходится, поскольку врачи заявляют, что в этих условиях они не могут меня вылечить. Насчет переезда в новую больницу — восьмью на моем счету, — хочу надеяться, что доеду живой. Что бы ни случилось, нельзя терять надежды. Хотя я по-прежнему страдаю, я все же крепну. Не хотелось писать тебе об этом, но если я требую от тебя откровенности, то я сам хочу служить примером... Больше о себе добавлю нечего, ведь ты знаешь мое состояние».

Письмо оборвано, нет ни прощальных слов, ни подписи. На следующий день после того, как это письмо было написано, Мулька взяла в последний этап — из Хабаровска в Биробиджан!

О последних днях Мульки стало известно от очевидца, татарина Алиева, его товарища по больнице и этапу. Больных поместили в закрытый вагон. Каждый получал продукты сухим пайком. В вагоне не было ни врача, ни сестры, никого, кто мог бы оказать хоть какую-то помощь тяжело больным. Этап длился 7—8 суток. Когда поезд остановился на станции Бира, больные были в полном изнеможении. Мулька был в состоянии агонии. Его друг татарин нашел его без сознания. Алиев сидел у Мулиной койки до последнего его выдыхания. Случилось это в ночь с 4 по 5 октября 1955 года.

ЗАКАНЧИВАЕТ РУТ:

«И на первом свидании с Мулей в 1948 году, когда состояние его было удовлетворительным, и на втором свидании, когда я нашла его тяжело больным, он говорил мне один и те же слова: «Никто на моем месте не выполнит бы дела так, как я. Даже если бы я знал, что спасу только одного человека и за это меня ждет этот гольский конец, — я бы все равно сделал то, что я сделал. Я не раскаиваюсь».

Заканчивались мучки и страдания Мульки Иоффе. Здесь описана лишь часть из того, что он делал и испытывал.

Авраам ИТАИ,
Мордехай НЕИШТАТ.

Там в моем еврействе никто не сомневался...

Я репатриант из города Харькова. Коган Владимир Зельманович. Всю свою жизнь я считался евреем, и ни у кого в Советском Союзе на этот счет не возникало сомнений.

Из-за этого меня в свое время не взяли в аспирантуру, хотя я как инвалид войны, хорошо закончивший университет, имел на это внеочередное право. Это существенно замедляло мое продвижение по службе. Спорить было не о чем — еврей, со всеми вытекающими из этого в Союзе последствиями.

Но вот я приехал на свою историческую родину и начал оформлять свой теудат-зеут. И здесь возникли первые в моей жизни сомнения... в моей национальности.

18 июля с. г. я предъявил в Хайфское отделение министерства внутренних дел имеющиеся у меня документы — мое свидетельство о рождении, из которого видно, что родился в 1925 году, отец — Коган Зельман Моисеевич, мать Русаковская Еватерина Абрамовна. Как и во всех метриках, выданных в то время, национальность родителей не указана.

Поскольку в отношении фамилии матери могли возникнуть какие-то сомнения, я приложил ее свидетельство о рождении, из которого видно, что ее отцом был Русаковский Абрам Натанович, а матерью Русаковская Ева Яковлевна. На это чиновники

отделения мне сказали, что фамилия ничего не доказывает — необходимо, чтобы где-то было сказано, что либо я, либо моя мать — еврей.

Я объяснил, что в Союзе до войны не указывали национальность родителей и что единственным документом, где об этом говорилось, был паспорт, сданный мною при выезде в ОВИР.

«Ну что ж, тогда запишем, что национальность не определена», — заявили мне чиновники.

Я был потрясен. Но, к счастью, для меня нашелся выход. Я предъявил свидетельство о рождении сына, а в нем после войны обязательно указывалась национальность родителей. И вот благодаря этому и было установлено мое еврейское происхождение. Но что было бы, родись мой сын до войны или если бы у меня вообще не было детей?

Как прекрасно, что советское правительство «хорошо» относилось к евреям и после войны везде, где это только возможно, подчеркивало их национальность! Еще раз спасибо советской власти!

Хуже было с моей женой и ее матерью, приехавшими со мной в Израиль. Жена моя — подкуровка, ее отец — Савенко, а мать Мендельсон Раиса Михайловна — еврейка.

Жена родилась в 1931 году, на-

циональность ее родителей, как и во всех документах тех лет, не указана.

Естественно, что, получая паспорт в 1947 году, в разгар антисемитизма в России, она оставила себе только отцовскую часть фамилии (двойные в это время уже не допускались), и в паспорте записана русской. Это же оказалось и в свидетельстве моего сына. Все надежды были на ее двойную фамилию в метрике и девичью фамилию матери, указанную в метрике. Но, как сказали чиновники, этого недостаточно. У матери жены свидетельство о рождении пропало во время эвакуации, а архивы не сохранились. Впрочем, если бы было такое свидетельство, оно бы ничего не дало, так как национальность ни ее, ни ее родителей не была указана. В доверенных свидетельствах даже не предусматривалась графа «о национальности родителей». Имелось свидетельство о ее первом браке, где указывалась ее девичья фамилия — Мендельсон, и свидетельство о втором браке, где она получила фамилию Штейнберг. Ее национальность ни в каких документах, кроме паспорта, не указывалась.

Я объяснил чиновникам, что при выдаче разрешения на въезд в Израиль в консульской группе в Москве проверили ее национальность по паспорту — ведь иначе ей бы не выдали въездную визу, так как по за-

кону о репатриации она не являлась членом моей семьи. Но мои объяснения ничего не дали, и в ее теудат-зеут (а следовательно, и моей жены и сына) будет внесена запись «национальность не установлена», со всеми вытекающими отсюда последствиями, из которых ее наиболее волнует (ей 86 лет, тяжело больная, перенесла онкологическую операцию) то, что она на своей исторической родине не может быть даже похоронена на еврейском кладбище.

Хотелось бы знать, что следует в данном случае предпринять?

А ведь еще полгода назад радиостанция «Голос Израиля», которую все слушали как голос родины, заявила, что теперь для того, чтобы быть признанным евреем, репатрианту достаточно заявить о том, что он себя им считает. И даже фамилия у него может быть нееврейская!

Поднимаемый мною вопрос важен не только для меня, а для тысячи других репатриантов, попавших в такое же положение.

Хочу обратиться ко всем, от кого зависит наша абсорбция: нам, советским евреям, в стране исхода пришлось перенести достаточно неприятностей и унижений. Не добавляйте их для нас здесь — на нашей родине, куда мы так стремились.

В. КОГАН

Кирьят-Ата.

